

МАРИЯ МЕТЛИЦКАЯ

«ПОСЛЕ ИЗМЕНЫ»

Я иногда думала: «Я что, счастливая? Удачливая? Или мне все это по заслугам? Ну, должны же быть на свете благополучные люди? Не всем же быть несчастными? Значит, я попала в их число. По заслугам, не по заслугам – какая разница. Просто у меня такая судьба. Такая планида. Уж извините. Да и живу я чисто – не ворую, не вру, чужих интересов не заедаю».

А подружки продолжали пылать в огне страстей.

Вон Людка, школьная подружка. Вышла замуж в восемнадцать, через три месяца родила дочку, через шесть ушла от мужа. Сказала – ошибка юности. Потом еще одна ошибка. Уже молодости. Второй брак, второй развод. Далее – ошибка зрелости. Увела мужика от троих детей. Жена его резала вены. Спасли, слава богу. Родила от этого многодетного еще дочку. Пожили-пожили – разбежались. Он вернулся к прежней жене. Теперь вены вскрыла Людка. Хорошо, что неумело – опыта мало. Выжила. Оклемалась и закрутила с мальчиком двадцати лет. Мальчик этот у нее ремонт делал, спал на раскладушке в коридоре. Дом далеко, в Белоруссии, в глухом бору.

Потом перебрался в Людкину спальню – просторнее, и воздуха больше. Людка говорит, что она счастлива – пользуется его по назначению. В любовь больше не верит, только потерянное в боях здоровье восстанавливает. Белорус для этого в самый раз.

Врет, потому что ревнует, даже к дочке. Скандалы устраивает, грозит, что на улицу его выгонит. А он отвечает, что не боится. Дерзит. Говорит, мол, баб одиноких полно – и богаче, и моложе, чем Людка. Людка язык и прикусывает.

Или Анька Сайкина, подружка с институтской скамьи. Умница, богатая и успешная, собственная фирма по производству рыбных деликатесов. Спит со своим водителем, законченным дебилом. Говорит, что с коммерсантами завязала. Почему – не объясняет. Просто все они – замороженные, ушлые и хитрые. Себе на уме. Могут подставить. А водитель Витя радуется новым кроссовкам и обожает Аньку. Считает, что ему крупно повезло. Впрочем, так оно и есть. Только вот отдыхать Анька ездит одна или с подружкой. И в гости тоже ходит одна – с Витей ходить стесняется.

Есть еще Сафронова, красотка, каких мало. Замуж не вышла – всю жизнь, со студенчества, караулит своего Бориса Сергеевича, Борюсика. Борюсик был старшим преподавателем. Зароманились. Он обещал, что уйдет из семьи. Прошло двадцать семь лет. Борюсик в семье, Сафронова на прежнем месте. Раз в год, правда, Борюсик вывозит Сафронову на курорт, в Карловы Вары. У него проблемы с печенью, и он пьет водичку, совмещая приятное с полезным. Сафронова томится у источников и тихо ненавидит эти Вары – у нее-то с печенкой все в порядке. Ей хочется на Мальдивы, в Париж и в Рим. Но по тому маршруту Борюсик ездит с женой, дочерью и внуками, большой и дружной семьей. Сафронова периодически Борюсику изменяет. Говорит, что от злости. А потом рыдает и заявляет, что лучше Борюсика нет. Свой, родной. И любимый.

Ленка, соседка по старой квартире. Выгнала своего пьяницу и гуляку, его быстренько подобрали, отмыли, приодели – и... Вася стал приличным человеком. Ленка даже его не узнала, повстречав на улице. Теперь жалеет и льет слезы. Говорит, что сама виновата – терпения не хватило. Жалеет такое «добро», потому что жизнь свою так и не устроила.

Одна кукует. Сейчас ей кажется, что Вася и не пил, и не изменял с каждой встречной. В общем, был хороший. А она осталась в дураках и полном одиночестве. Забыла свои слезы, обиды и унижения.

Вот вам примеры. Удачные – как на подбор. Получается, счастливых немного? Или – вовсе нет?

Ну давайте, давайте. В каждом доме по кому, под каждой крышей свои мыши, у каждого в шкафу свой скелет.

У меня не было ни кома, ни мышей, ни скелетов. У меня было все по-честному. Без вранья и притворства. Что это – нонсенс? Огромное, так сказать, невиданное исключение? Что люди просто любят друг друга, верят друг другу и им хорошо вместе?

Да, вы правы – так не бывает. Или проще – не может быть долго. Не бывает в жизни чудес, не бывает.

Кстати, про подруг – их у меня не было, имелись приятельницы. А все потому, что в подругах я не нуждалась. Не нуждалась ни в посиделках на кухне часами, ни в долгих, откровенных телефонных разговорах, когда выворачиваются наизнанку все подробности, все нутро, после чего становится легче.

Мне все это было не нужно, потому, что муж Леня заменил мне всех. С ним можно было говорить о чем угодно. Все было интересно. Да и что перемалывать с подругами? Я на их фоне такая удачливая, такая счастливая... Просто даже неловко как-то. Мне и поругать-то было некого – ни мужа, ни дочь...

Да нет, случались конечно проблемы. Аня болела все детство, и по математике не успевала, и книг мало читала, и тряпками не в меру интересовалась. И у мужа было всякое: и неудачи в бизнесе, и предательство партнера, ближайшего школьного друга, кстати. И отец его болел тяжело и долго. Конечно, всякое было.

Но все же я всегда знала – судьба дала мне значительно больше, чем другим, была ко мне благосклонна. Ангел-хранитель незримо кружил за спиной.

А вот сейчас... Мама говорит, что все выпивают свою чашу. Никого не минует. Вот настало и мое время выпить до дна. Осушить, так сказать.

Я примерно предполагала, какие разговоры ведутся за моей спиной. Нет, близкие, разумеется, сочувствуют, да и знакомые, те, кто в курсе, тоже, наверное, не злорадствуют. Плохого-то я никому в жизни не делала – не хвастала, не кичилась.

Но каждый, каждый из них наверняка, вздохнув, подумает: «А что, она – особенная? Почему это ей все, а нам по чуть-чуть? Самую малость? И в семье, и с детьми, и вечно с пустым кошельком...»

Леонид остался приличным человеком. Покаялся. Объяснил, что с ним случилась беда, иначе не назовешь. Со всеми может случиться. Он все понял, все осознал. Никого, кроме меня, ему не надо.

Он называл себя идиотом и молил о прощении. Есть ради чего. Просил вспомнить годы бесконечного счастья, пережитые вместе неудачи и радости. Рождение Аняты, покупку дома, поездки по свету. Сколько было хорошего! Разве можно все так просто

перечеркнуть и забыть? Разве раскаявшийся грешник не имеет право на прощение? Даже преступников, даже убийц можно оправдать.

– А ты и есть убийца! – сказала я.

– Перебор, – отозвался он.

Мама говорила, что это – гордыня. Непомерный грех. Наплевать, как это называется. Важно, что с тем, что произошло, я не могу жить.

– А ведь ты меня не любишь! – воскликнул он.

Я пожала плечами:

– Думай так, как тебе проще.

Он ушел из дома – я попросила. Вместе невыносимо. Опять дура! Где гарантия, что он не вернется к той? Что та не примет и не обогреет? И объяснит, какая у него стерва жена и где ему теплее и лучше.

Ну и ладно. Как будет, так будет. Да, я, видимо, не борец. Тысячи женщин на моем месте бросились бы спасать семью и раздувать очаг. Натянули бы на губы улыбку, поменяли прическу и ночью устроили мужу сказочные представления. Да, я дура. Да, у меня гордыня. Или – гордость? Где грань? Я не упиваюсь своими страданиями – мне просто больно. И еще – обидно. И еще – не могу я изображать елку в цирке. Не моя тема. Все люди разные. Предательство оглушает. Это удар по голове, сердцу, почкам. Как устоять на ногах, когда такая боль...